

Передавая этот материал для публикации, от имени всей нашей семьи, бережно хранящей научное и творческое наследие рожденного в Симбирске в 1896 году Петра Евгеньевича Корнилова – историка искусства, музейного и общественного деятеля, педагога, редактора и коллекционера, выражаю бесконечную признательность городу Ульяновску и всем, кто хранит память о вашем выдающемся земляке.

Автор книги «П.Е. Корнилов. Личность, время, события».
Андрей Харшак. Санкт-Петербург.

Андрей ХАРШАК, заслуженный художник Российской Федерации, почетный академик Российской академии художеств.

ИСКУССТВУ ПРЕДАННЫЙ

Петр Евгеньевич Корнилов родился 20 июня (по старому стилю) 1896 года в Симбирске. Как он пишет в автобиографии: «...в семье простых людей». Но в воспоминаниях, которые носят гораздо более личный характер, уточняет: «...в семье повара Троицкой гостиницы».

Петру не было еще и года, когда семья вынуждена была переехать в Казань по месту новой работы отца. Здесь он учился сначала в церковно-приходской школе, потом в частной гимназии, а с 1908 года в 1-м Реальном училище, где, цитирую: «...самым положительным в этом событии на будущее время явилось наличие уроков рисования на всем протяжении учения».

Но это самое «рисование» могло пройти незамеченным, как и некоторые другие предметы учебной программы, если бы в 1911 году в 1-м Реальном училище не пришел новый преподаватель – Петр Максимилианович Дульский (1879 – 1956), неизвестно, как сложилась бы судьба самого Петра Евгеньевича.

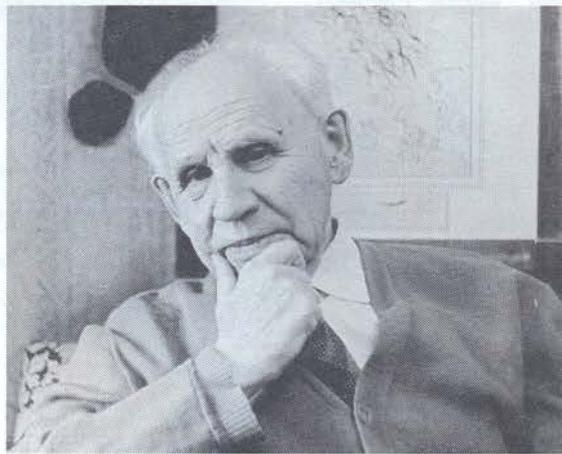
Дульский стал для него учителем, наставником, а впоследствии – советчиком, другом, старшим коллегой, хотя разница в возрасте между ними была семнадцать лет.

Забегая вперед, должен сказать, что благодаря энтузиазму этих двух людей, их бескорыстной просветительской деятельности, в 20-е годы Казань заняла одну из ведущих позиций в России по пропаганде высших графических достижений современного искусства.

В этой работе прослеживаются три линии.

Первая: экспозиции произведений старших современников и коллег из Ленинграда и Москвы, чьи имена уже в те годы стали, безусловно, классическими в русском советском искусстве. Вторая: ретроспективные экспозиции историко-научно-

го характера, наглядно демонстрирующие глубину культурных европейских корней Казани и близлежащих областей. И третья: популяризация художников из соседних городов Поволжья, чье творчество было малоизвестно (или вообще неизвестно) казанскому зрителю. Для большинства из них – это были первые персональные выставки. К этому разделу относятся экспозиции ульяновских художников – Д.И. Архангельского (1885 – 1980) в 1926 году, А.А. Пластова (1893 – 1972) в 1929 году и А.И. Трапизына (1884 – 1935) в 1930 году.

Петр Евгеньевич Корнилов

Во вступительной статье к каталогу последней Корнилов писал: «Устраивая эту выставку, третью по счету, из представителей художественного Ульяновска – края Ильича, мы считаем нашу краевую программу правильной и целесообразной, ибо отражение творческой работы близкого нам Поволжья – это задача наша и нашего дня».

Упоминание имени Ленина для Корнилова не было конъюнктурной словесной декларацией. К 1930 году он уже шесть лет скрупулезно зани-

мался поиском и систематизацией ленинских изображений. Ленина не стало 21 января 1924 года. Несмотря на тяжелую болезнь, закрытую жизнь в Горках, исключавшую участие в любой политической деятельности, он оставался вождем мирового пролетариата. И после его кончины пропагандистская машина страны еще долгие годы будет всячески поддерживать этот образ. Издательским структурам отводилась в этом перво-степенная роль. В «Госиздате», где работал тогда Корнилов, встал вопрос об издании альбома. В кратчайшие сроки он был подготовлен и вышел из печати под названием: «В.И. Ленин. Альбом снимков. 1870 – 1924» (Л., 1925).

Далее цитирую самого Петра Евгеньевича: «...На основе внимательного изучения документальных

фотографий вождя я впервые составил в хронологическом плане серию его изображений с 1873 по 1924 г., написал статью, составил библиографию произведений. С этих пор началось мое углубленное изучение графических произведений, связанных с жизнью и деятельностью В.И. Ленина...».

Должен добавить, что началось не только «углубленное изучение графических произведений...», но и их собирательство, получившее впоследствии название: «Графическая Лениниана». К концу жизни Петра Евгеньевича это уникальное собрание насчитывало уже около 10 тыс. наименований. Туда входили авторская и печатная графика, плакаты, марки, открытки, экслибрисы, книги, брошюры и т.д.

Все это в советский период неоднократно показывалось на выставках в различных городах страны. После смерти Корнилова его семья безвозмездно передала всю коллекцию в Центральный музей В.И.Ленина в Москве. Упомянутый альбом вышел с предисловием Э.Ф. Голлербаха (1895 – 1942) по его инициативе и всемерной поддержке. Как такая деятельность уживалась с воззрениями царскосельского эстета Голлербаха, поклонника А. Ахматовой (1889 – 1966), Н. Гумилева (1886 – 1921) и художников «Мира искусства», – остается только гадать.

А я осмелюсь предположить, что серьезное занятие ленинской тематикой послужило для Петра Евгеньевича своего рода охранной грамотой, помогло ему не только выжить в период массовых репрессий, но и, занимая ответственные посты в советской административной системе, помогать людям, а многим и спасти жизнь, особенно в годы блокады Ленинграда.

При этом он никогда не состоял в Коммунистической партии, а это в то время было очень трудно для человека с активной жизненной позицией.

Мне довелось близко знать Петра Евгеньевича Корнилова.

Мы с Наташей – внучкой Петра Евгеньевича – поженились в 1973 году, будучи студентами мастерской книжной иллюстрации графического факультета Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. А познакомились мы еще раньше, в 1969-м. Соответственно, чуть больше десяти лет у меня была возможность тесно общаться с Петром Евгеньевичем, задавать ему вопросы, слушать рассказы, пояснения, комментарии. Но вот легкомыслие молодости – я этой возможностью, к великому сожалению, почти не воспользовался.

Ощущение утраченного пришло много позже,

примерно через два десятка лет после смерти Петра Евгеньевича. Именно в этот период сформировался мой интерес к определенным проблемам ленинградской графической школы и графической педагогики двадцатых – сороковых годов прошлого века, и пришло грустное понимание, что на многие, возникающие у меня вопросы мог ответить только он.

Роль этого человека в истории, подчеркиваю, именно в истории, а не только в истории искусств, еще предстоит оценить.

Несмотря на внешнюю сдержанность и ровность характера, он обладал фантастической работоспособностью не только кабинетного ученого и музейного работника. Корнилов был активнейшим организатором и участником художественных процессов, педагогом, систематизатором, редактором, пропагандистом на переломных, значимых этапах становления и развития Советского государства.

В первой половине 20-х годов это Казань. В конце 20-х, – начале 30-х – Бухара и с 1932 года – Ленинград – Русский музей, Академия художеств, издательство «искусство», Управление по делам Искусств Ленгорисполкома, Союз художников, художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной.

Имя Петра Евгеньевича Корнилова навсегда связано с культурно-художественной жизнью блокадного Ленинграда. Под его руководством проходили научные семинары и заседания в Доме ученых, выпускалась агитационно-художественная полиграфическая продукция, открывались выставки и проходили творческие вечера.

В послевоенные годы в Союзе художников он принимал участие в обсуждении огромного количества экспозиций, был автором вступительных статей в каталогах и монографиях. Благодаря его усилиям и настойчивости были отреставрированы памятники архитектуры,

установлены мемориальные доски.

Но закладывались все эти качества, получившие развитие в более поздний период деятельности ученого, в Петрограде, когда осенью 1922 года он поступил в Археологический институт, ставший вскоре факультетом общественных наук Петроградского университета. И здесь происходит чудо: профессор Владислав Крескентьевич Лукомский (1882 – 1946), увидев неуемное стремление к расширению знаний со стороны казанского студента, счел возможным ввести его в круг своих друзей и коллег.

Так произошла, может быть, самая важная и значимая в жизни Петра Корнилова встреча с Павлом Александровичем Шиллинговским, ставшим для него самым близким другом на долгие годы.

Семья Корниловых. Сидят слева направо: Сестра Надежда, отец Евгений Асафович, мама Вера Петровна. Стоят: муж Надежды Василий и Петр Корнилов

Его мастерская находилась по адресу: Тучков переулок, д. 11, кв. 25. В ней-то и стал бывать Корнилов по субботам, наглядно воспринимая творческий процесс создания офорта, ксилографии, живописного произведения. Шиллинговский в тот период возглавлял созданный под его руководством в Академии художеств полиграфический факультет, где преподавали такие мастера, как Д.И. Митрохин, Г.С. Верейский, Е.С. Кругликова, В.М. Конашевич и др.

Все они бывали на Тучковом переулке у Шиллинговского, и Корнилов становился благодарным слушателем, а затем и участником их бесед, дискуссий и споров. Немного позже он стал посещать и их студии, что явилось для молодого человека неопределимой профессиональной школой, под влиянием которой окончательно сложились его интересы к искусству гравюры и графики в самом широком значении этих терминов.

И первой графической экспозицией в Казанском центральном музее, сотрудником которого числился Корнилов, стала выставка работ П.А. Шиллинговского в 1924 году. К этому же периоду относится и знакомство Петра Евгеньевича с симбирским художником, этнографом и педагогом Дмитрием Ивановичем Архангельским, которое переросло в тесную дружбу.

Свидетельство тому – альбом автографов, который Корнилов начал вести еще в Казани с 1922 года, где на одной из первых страниц появляется акварель с видом Симбирска, датированная 1923 годом. Следующая страница занята надписью А.П. Остроумовой-Лебедевой.

Каждый раз, подписывая другу свои работы, Архангельский старался напомнить ему, что он родом с Поволжья. Так на книге «Часы Государственного Ульяновского художественного музея» читаем: «Милому П.Е. Корнилову от автора-земляка. 16 окт. 1924 г.».

В том же 1924 году, передавая ему рисунок с видом Казани, художник пишет: «В альбом родных мест от Д.А.».

Та же самая улица изображена в альбоме автографов другим ульяновским художником – Азарием Ивановичем Трапицыным. Внизу подпись: «В воспоминание о днях, проведенных в Казани в лето 1929 г. 30/VII 29 г. А Трапицын».

Этим же летом в Казани был и П.А. Шиллинговский. Петр Евгеньевич познакомил своих друзей. Вместе они осматривали памятники архитектуры, плавали на кораблике по Волге. Необыкновенным сюрпризом для Трапицына был великолепный книжный знак, награвированный для него Шиллинговским.

Корнилов потом вспоминал: «Знак для А.И. Трапицына – симбирского художника-педагога – П.А. Шиллинговский исполнил по моей просьбе. В композицию он ввел корму парохода с простором Волги. Этот сюжет подсказан нашей общей поездкой по Волге в 1929 году (существует групповой снимок). Исполненная доска после снятия пробных оттисков автором была послана в Ульяновск, но не дошла до владельца. Пришлось создавать новый вариант знака. На нем, как я припоминаю, композиция состояла из интерьера комнаты с открытым окном. В окно была видна перспектива на Стрелку Васильевского острова со зданием Биржи Тома де Томона. Судьба доски после смерти художника в 1937 году нам неизвестна. Не мог я отыскать авторский оттиск и у себя, к большому огорчению».

Но именно в этот период помыслы самого Петра Евгеньевича были уже совершенно в других местах.

Чтобы перейти к описанию восточного периода жизни Корнилова, надо вспомнить Бориса Петровича Денике (1885 – 1941). Его научные интересы с самого начала 20-х годов плавно переходят от русского искусства к искусству мусульманского Востока, сначала на основе исследования памятников волжской Булгарии и Золотой Орды, а позднее на изучении искусства и архитектуры Средней Азии.

Возглавив в 1926 году в Москве Музей восточных культур, он организовал для пополнения его коллекций экспедиции в Самарканд, Бухару и Термез, где проводились раскопки, ознаменовавшиеся подлинно-научными открытиями. В этих экспедициях в 1927 и 1928 годах активное участие принимал и Корнилов.

Здесь считаю необходимым вернуться на несколько лет назад.

В июле 1922 года Петр Евгеньевич женился на Елене Григорьевне Дыдыкиной (1894 – 1985). Он называл ее Леля. Она стала для него подлинным сподвижником, единомышленником, хранительницей семейного очага, радушной гостеприимной хозяйкой, делившей все тяготы бытия увлекающегося энтузиаста-ученого и общественного деятеля. Елена Григорьевна отказалась эвакуироваться из

осажденного Ленинграда, оставаясь рядом с мужем в страшные годы блокады.

Я хорошо помню ее – немногословную, мудрую, стремящуюся помочь всем своим близким, да и не только близким. В 1926 году у них родился сын Игорь.

Но после двух экспедиций Восток уже полностью завладел ученым, и Корнилов, не колеблясь, принимает предложение Бухарского государственного музея занять должность заместителя директора.

Книга Дмитрия Архангельского с дарственной надписью Петру Корнилову

П.А. Шиллинговский. Эксилибрис Трапицына. 1930 г. Ксилография

Вот такой крутой жизненный разворот. Но Петру Евгеньевичу только 34 года, и его стремление к познанию по-прежнему неиссякаемо. Ощущение от культуры Востока только раззадорило его, но никак не насытило. Он не был в Азии с момента окончания последней экспедиции. Казалось бы, все естественно. Как он сам пишет: *«То, что было знакомо при посещениях, проездом в Старой Бухаре, теперь можно было изучать стационарно».*

Но меня не покидает чувство вынужденной необходимости этого поступка.

Одно дело – раз в году на полтора месяца приезжать в места, почти сказочные, работать там не покладая рук на благо науки в компании энтузиастов-единомышленников, преодолевать трудности, искренне радоваться достижениям. Знать, что совсем скоро ты вновь окажешься в отчем доме, в круту своей семьи, рядом с родителями, женой и сыном. И совсем другое – покидать этот дом на неопределенный срок, оставив там мать после кончины отца, вести малолетнего сына и жену неизвестно в какие бытовые условия, сталкивать себя и своих близких с атмосферой чужой религии, которая диктует совершенно иной уклад человеческих взаимоотношений. И все ради стационарного изучения? Нет, что-то не похоже это на Петра Евгеньевича, любящего, уравновешенного и думающего, хотя увлекающегося и целеустремленного.

Такое ощущение, что ему надо было исчезнуть, «лечь на грунт», и пески Средней Азии оказались для него наиболее приемлемым местом. Переезд состоялся в феврале 1931 года.

Думаю, что рекомендации Б.П. Денике сыграли здесь не последнюю роль. Он же (Денике) рекомендовал открыть музей в медресе Кукельдаш, что и было сделано в 1927 году.

Но научно-этнографического материала не хватало. Экспозиция создавалась достаточно скоропалительно, и новому заместителю директора по научной работе предстояло заняться серьезным пополнением музейных коллекций и радикальными изменениями в идеологической и конструктивной концепции размещения материалов.

Энтузиазм и ответственность за порученное дело заставили его, как всегда, полностью уйти в работу, а Елена Григорьевна – Леля – вела нехитрое хозяйство

уже полностью самостоятельно (мама П.Е. – Вера Петровна осталась в Казани) и занималась Игорем, которому было уже пять лет.

В августе 1931 года проездом в Бухаре был Борис Петрович Денике. Осмотрев новые экспозиции музея, в разработке которых Корнилов принимал самое активное участие, он дал высокую оценку навыкам своего воспитанника и общему развороту всей просветительской деятельности.

Редкая фотография.

Д.И. Архангельский (слева), П.Е. Корнилов и А.Н. Острогорский в Симбирском пролетарском художественном музее (в доме Е.Перси-Фрэнч). 14 сентября 1923 г.

Но, несмотря на искренний интерес и преданность работе на новом месте, полного единения с обстановкой, видимо, не произошло. Подрастал Игорь, и становилось понятно, что начальную школу он должен посещать все-таки в Российской Федерации. Кроме того, полагаю, что уже в середине 1932 года Корнилов получил предложение возглавить отдел графики Русского музея. Как он сам вспоминал: *«Старая привязанность к графическому искусству дала себя знать. Наступил третий период в моей жизни и научной деятельности – ленинградский».*

В жизни музея это было очень сложное время. Преобразования в его организационно-административной структуре повлекли за собой уход ряда опытных ведущих научных

сотрудников, в том числе Всеволода Владимировича Воинова (1880 – 1945), возглавлявшего отдел графики с 1923 года.

Кроме того, в 1932 году был арестован Петр Иванович Нерадовский (1875 – 1962), который с 1909 года фактически являлся главным хранителем всего художественного отдела Русского музея.

В этот самый сложный период Петр Евгеньевич Корнилов принимает под свое начало полиграфическую секцию отдела графики.

За его плечами был опыт работы в Казанском центральном музее и музейном отделе Татарского народного комиссариата просвещения (1921 – 1930), а также организация музейного дела в Бухаре (1930 – 1932). Но в чем его компетентность была без преувеличений, быть может, самой высокой в стране – это организация графических и историко-научных экспозиций, которых они совместно с П.М. Дульским провели в Казани более тридцати. Причем отвечавший за контакты именно с ленинградскими художниками Корнилов, организовал выставки таких

мастеров, как П.А. Шиллинговский, Г.С. Верейский, Д.И. Митрохин, Е.С. Кругликова, В.Д. Замирайло и А.П. Остроумова-Лебедева, которые стали его близкими друзьями. Возможно, что авторитетное мнение именно этих художников сыграло решающую роль в приглашении П.Е. Корнилова на работу в Русский музей.

После его прихода в отдел одной из первых персональных экспозиций стала выставка Д.И. Митрохина, но в каталоге, изданном к этому событию, Петр Евгеньевич скромно обозначил себя в выходных данных как технического редактора, тактично уступив написание статьи своему старшему коллеге и наставнику. Так, в отделе графики Русского музея интеллигентно, без эксцессов, произошла смена руководства.

Забегая вперед, скажу, что уже 9 января 1934 года выходит письменное распоряжение ученого секретаря художественного отдела музея т. Петрова об объединении секции рисунка с секцией полиграфии, и возглавить новую структуру поручается Корнилову.

Отделом графики Петр Евгеньевич Корнилов руководил до февраля 1954 года.

Естественно, как и любым советским учреждением, Русским музеем руководили дирекция, партком и местком, которые вырабатывали стратегию согласно распоряжениям Комитета по делам искусств Совета народных комиссаров СССР.

И отдел графики принимал активное участие во всех масштабных мероприятиях и проектах, организуемых музеем.

В первую очередь, это были такие значимые выставки, как «15 лет ИЗО Искусства РСФСР» (осень 1932 г.), «Первая выставка ленинградских художников» (апрель – июнь 1935 г.), «А.С. Пушкин в изобразительном искусстве» (1936 г.), масштабная экспозиция «Цветной станковый эстамп» (1936 г.), «XX лет Великой Социалистической Революции» (ноябрь 1937 г.).

Русский музей вел большую культурно-просветительскую работу среди различных социальных слоев населения – рабочих, военно – служащих, студентов, школьников и др., которая выражалась в организации экскурсий, лекций, методических занятий.

Но существование любого индивида в условиях советского государства требовало еще и личной общественной активности. И в подтверждение – того привожу текст следующего содержания:

«ОТЗЫВ

Дан от Местного Комитета Государственного Русского музея Заведующему Отделом Графики тов. Корнилову Петру Евгеньевичу в том, что он за время работы зарекомендовал себя, как хороший производитель и общественник; с интересом и желанием выполнял поручения по общественной линии: был членом Локального бюро СНР., работал в агиткол-

лективе в предвыборные кампании, редактировал стенгазету и проч.

Председатель Месткома

/Елистратова Е.Ф./

Секретарь Месткома

/Алексеева В.В./

Печать, подписи.»

Эмблема Кабинета графики

Е.С. Кругликова.

«П.Е. Корнилов. Силуэт». 1932

Таковы были реалии времени и системы. Отмахнуться от них было невозможно. И все-таки сотрудники отдела под руководством Корнилова выделили для себя два главных направления научной и практической деятельности, ставших основополагающими вплоть до начала Великой Отечественной войны. Это приведение в порядок системы учета экспонатов и организация небольших персональных и тематических графических экспозиций. И если по первому разделу у музея был накопленный десятилетиями опыт, то, пожалуй, по выставочной работе равных Корнилову не было.

Привожу неполный перечень экспозиций, созданных при его непосредственном участии в первые годы работы:

1) Д.И. Митрохин. 30 лет творческой деятельности. 1933 год.

Они знакомы уже 10 лет. Вместе работали над книгой «Русские гравюры. П.А. Шиллинговский», выпущенной в Казани в 1926 году, специально для которой Митрохин написал «Заметки об офорте», а годом раньше в Казани прошла его первая персональная выставка.

2) Выставка гравюр ленинградских художников, посвященная теме: «Строительство СССР» в Государственном Бухарском музее. 1933 год.

Это – дань уважения любимой Бухаре, откуда Корнилов вынужден был неожиданно уехать, но где, согласно выписке из протокола №4 заседания научного совета музея от 28/1 – 1933, он был оставлен членом научного совета музея и его представителем в Ленинграде.

К выставке малым тиражом была напечатана литографированная афиша, текст которой начинался как лозунг: «Братский привет трудящимся Востока!».

В 1934 году прошла «Выставка гравюры и литографии ленинградских художников за 1933 год» и «Герои Гоголя в изобразительном искусстве», а также персональные экспозиции:

1. Игн. Нивинский.
2. Н.Н. Герардов.
3. Е.С. Кругликова. 40 лет творческой деятельности.
4. Посмертная выставка работ художника Юрия Великанова.
5. Выставка Н.В. Алексеева.

В конце 1933 года Корнилов был привлечен к

разработке концепции создания Научно-исследовательского института Всероссийской академии художеств, а затем возглавил созданный по его инициативе кабинет графики, который за четыре года существования сыграл значительную роль в развитии и решении творческих, научных и образовательных проблем графического искусства не только Ленинграда, но и ряда регионов страны.

Ученый вспоминал: «...Работу в Академии художеств приходилось мне вести, совмещая основную работу по руководству Отделом графики в Русском музее. Но в целом эта работа была полезна обоим учреждениям: укреплялась связь музея с высшей художественной школой, а материалы музея раскрывались как наследие для художников-практиков, как традиции в современности».

Если развить идею взаимной полезности для обеих структур, я бы сказал о чертах фундаментальности научных работ в кабинете графики, несомненно, пришедших из музея, и об оживлении просветительской, лекционно-выставочной деятельности в стенах отдела на площади Искусств.

Несомненно, для кабинета графики была характерной наглядная, практическая, мобильная деятельность по созданию художественных произведений различной тематики. Приоритетом были камерные выставки, сопровождаемые обсуждением и докладами. Далее – исследовательская работа с различными графическими техниками и в результате – малотиражные издания: альбомы эстампов, рукотворные сброшюрованные книги и так далее.

А в самом конце того же 1935 года для Петра Евгеньевича Корнилова произошло еще одно знаменательное событие.

30 декабря состоялось заседание квалификационной комиссии по присвоению званий и ученых степеней ВАХ. Среди присутствующих были И.И. Бродский и П.А. Шиллинговский.

В повестке дня стоял вопрос по рассмотрению кандидатур старших научных сотрудников Государственного русского музея для присвоения им степеней без защиты диссертации. Среди них была кандидатура Корнилова.

В постановлении звучало: «Представить к утверждению в ученой степени кандидата искусствоведческих наук по Истории Русского Искусства (графика) без защиты диссертации».

Но положительного решения Высшей аттестационной комиссии пришлось ждать еще около трех лет.

Среди многих научных работ Корнилова (1932 – 1941 гг.) основное место отводилось завершению давно задуманной книги «Арзамасская школа живописи первой половины XIX века». Работа была принята и подписана к печати, но набор был рассыпан. Началась Великая Отечественная война.

Годы войны и 900 – дневной блокады стали для

Ленинграда и для каждого его жителя периодом страшных, тяжелейших испытаний, потребовавших невероятного напряжения сил, которых, казалось, уже не могло быть, но они были.

Петр Евгеньевич Корнилов провел все эти годы в осажденном городе, позволив себе лишь короткую командировку в Казань после прорыва Блокады в 1943 году.

С 22 июня 1941 года, согласно предписанию, ученый приступил к работе на военно-призывном пункте, где пробыл на казарменном положении до середины ноября. Соответственно, он мог принимать участие в подготовке экспонатов музея к эвакуации, которая началась с первого дня войны, лишь урывками.

Он прекрасно понимал, что в эти дни был бы нужен и полезен музею, но законы военного времени не давали права выбора.

Его освободили от работы на призывном пункте, как уже говорилось, 28 июня, всего на неделю. Он смог сопроводить грузы на вокзал, а дальше встал

вопрос о срочной эвакуации сына Игоря из Ленинграда.

4-го июля в давке и страшной неразберихе его удалось посадить на казанский поезд.

На следующий день Петр Евгеньевич снова был в военкомате.

Его мама – Вера Петровна и жена Елена Григорьевна оставались в городе. Впоследствии он писал: «Мне так хотелось, чтобы мама с Лелей тоже уехали бы туда, но они категорически не захотели оставить меня одного. Спасибо им за эту большую жертву, да я, как вижу, если бы не ушел в армию, то погиб бы без их забот».

12 сентября в 20 часов приказом начальника сборного пункта №1 Дзержинского РВК военнообязанный П.Е. Корнилов был оставлен в резерве и освобожден до особого распоряжения.

Но на основании постановления Государственного комитета обороны о всеобщем обязатель-

ном обучении граждан СССР военному делу он был привлечен к посещению занятий с 29 сентября.

Но все-таки это был уже не казарменный режим.

Петр Евгеньевич постарался сразу войти в ритм жизни музея. Состав его сотрудников значительно сократился. Кто-то был призван в действующую армию и находился на фронте, часть коллектива обеспечивала сохранность вывезенных экспонатов в Перми, некоторые были эвакуированы.

Музей был закрыт, но его здание и оставшаяся в нем часть коллекции требовали постоянного внимания и заботы. Город постоянно обстреливался и подвергался бомбардировкам. По официальным сводкам, на сам объект и его территорию было сброшено 11 фугасных и более 100 зажигательных бомб, и разорвалось свыше 40 снарядов. После каждого налета проводился тщательный осмотр территории и корпусов здания. Стекла вылетели после первых же разрывов.

Н.И. Пильщикова.
Портрет П.Е. Корнилова. 1943 г.

Вот как вспоминает эти страшные дни заведующая научной библиотекой Валентина Васильевна Алексеева: *«Приходилось вновь и вновь забивать фанерой и досками разбитые окна, поврежденную кровлю, выносить осколки, щебень, мусор. К каждой зиме утеплять, законопачивать паклей и ветошью окна, забивать пробойны фанерой, а с наступлением весны частично раскрывать окна для просушки здания».*

Научные сотрудники дежурили круглыми сутками, ни на час не оставляя музей без присмотра».

П.Е. Корнилов начал вести свои записи со второй половины октября. На этих страницах предстает ежедневная реальность бытия, страшная в своей простоте:

«23.XI.41 – воскресенье. Провел дома со своими. Тревог не было».

Леля вернулась из очередей (уйдя в 6 ч.-у) – в 1-м часу. Ходил встречать».

24.XI.41. В 5 ч. ушел с Лелей в очередь. Л-д – страшный, с огромными очередями, темнотой и артиллерийской стрельбой. Вернулись без результата. После обеда снова ходила и результат тот же. С 2 – 4-50 – была тревога. Вечером, как всегда в убежище под музеем, но только не могу работать».

Попробую пояснить фразу: «Вернулись без результата». Запись сделана 24 ноября 1941 года. То есть через четыре дня после очередного (к счастью – последнего) постановления о сокращении норм выдачи продуктов. Оно будет действовать до 25 декабря. Именно в этот период служащие и иждивенцы – категории граждан, к которым принадлежали Корнилов и его семья, будут получать всего по 125 граммов хлеба в день. Но ленинградцам полагались в таких же ничтожных дозах и другие виды продовольствия, но получить их можно было далеко не всегда.

Жизнь оставшихся сотрудников сконцентрировалась в убежище. Оно находилось в подвалах главного здания, в помещении гардероба, который и сейчас там же. Туда приходили во время дневных налетов все, кто был свободен от дежурства, в нем ночевали, именно в нем возродилась научная деятельность, прерванная в первые дни войны. При слабом свете коптилки проводились заседания совета музея, слушались доклады, обсуждались научные статьи, решались неотложные текущие вопросы.

Первое свое блокадное мероприятие провел там и Корнилов. Оно состоялось 22 января 1942 года и включало в себя выставку и доклад, посвященный 18-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина.

Присутствовало десять человек.

После доклада Петра Евгеньевича его мама рассказала немного об отце В.И. Ленина, который был директором ее начальной школы. Потом М.В. Фармаковский (1873 – 1946) вспоминал о своей жизни в Симбирске, где его отец – инспектор городских учи-

лиц – был помощником Ильи Николаевича Ульянова.

Возможно, некоторым описанный выше эпизод с точки зрения дня сегодняшнего покажется абсурдом. В городе голод, холод, темнота, разрывы бомб и снарядов. Крутом смерть. А десять человек в подполье Русского музея вспоминают Ленина. Но именно это событие говорит о духовной стойкости и высоте помыслов, которые помогли этим людям выжить, выстоять, победить.

А 19 декабря 1941 года Корнилов первый раз смог навестить А.П. Остроумову-Лебедеву. Возвратившись домой, он записал: *«Бодрость духа – присущая ей черта. Сидел у нее закутавшись в ее зеленый парижский плед, а она в меховой шапке, в ряде теплых одежд, а сверху – в Средне-Азиатском халате, но глаза блестят и светятся, как всегда. Не хочет покидать Ленинград и просила передать моей маме, что она верит в Бога. Ушел от нее сильнее духом и даже телом, т.к. шел быстрее и легче».*

А 29 декабря 1941 года Корнилов принял участие в заседании Ученого совета Всероссийской академии художеств, на котором проходила защита диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения Павлом Александровичем Шиллинговским.

Это событие ничего не могло изменить в жизни сражающегося из последних сил Ленинграда, но для всех на нем присутствовавших стало знаменательной вехой высокого духовного, нравственного и эмоционального накала. А академик архитектуры Г.И. Котов (1859 – 1942) в своем заключительном слове сказал, что он гордится, что был свидетелем и участником этого исторического мероприятия.

Шиллинговского не стало 5 апреля 1942 года.

С весны 1942 года Корнилову предложили работать в издательстве «Искусство». Оставшись единственным выпускающим редактором, он был занят производством плакатов, открыток, лозунгов, воззваний и дру-

гой агитационной полиграфической продукции.

Петр Евгеньевич проработал в издательстве очень короткий период, но, несомненно, что его приход туда вывел эту структуру на качественно новый уровень деятельности.

Вот цифры из отчета самого Корнилова, написанного уже после войны:

«За время Великой Отечественной войны Лен. Отд. Изд-ва «Искусство» успело выпустить в свет:

1. Плакатов – 116.
 2. Лозунгов – 37.
 3. Лубков – 15.
 4. Портретов – 31.
 5. Эстампов – 6.
 6. Открытых писем – 187.
 7. Брошюр – 19.
- Итого 411 названий с общим тиражом 4 893 500 единиц».*

Н.А. Павлов. Ленинград. У Исаакиевского собора. Открытка. 1942 г.